

КР

63.4(2Р4В)

Г 701

В. А. Городцов

Результаты
археологических
исследований 1898 г. ...

B-1205794

90216

63.4(2Р-4Ря)

Кр. Кр.

Г 70р

Г 1901

1887

Городцов В. А.

5к

Результаты археологических изслѣдованій 1898 года, произведенныхъ на берегахъ р. Оки, въ предѣлахъ Рязанской губерніи.

Въ 1898 году мною были произведены археологическія изслѣдованія въ слѣдующихъ пяти пунктахъ, расположенныхъ по берегамъ р. Оки, въ предѣлахъ Рязанской губерніи: въ с. Ловецкихъ выселкахъ Зарайскаго уѣзда, с. Городцѣ и д. Ужалѣ Спасскаго уѣзда и, наконецъ, въ сс. Алекановомъ и Дубровичахъ Рязанскаго уѣзда. Изслѣдованные памятники относились къ неолитической и бронзовой эпохамъ, а также и къ желѣзному вѣку. Въ основѣ выбора пунктовъ изслѣдованія лежали результаты предшествующихъ археологическихъ экскурсій, въ особенности результаты экскурсіи 1895 года, совершенной мною на средства Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Въ предлагаемомъ очеркѣ будетъ представленъ сжатый обзоръ результатовъ раскопокъ, изложенный въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ хронологическому ходу самыхъ работъ.

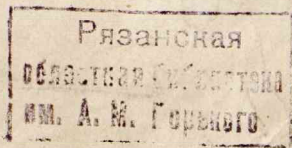
1. Изслѣдованія въ с. Ловецкихъ выселкахъ.

Объектомъ изслѣдованія въ Ловецкихъ выселкахъ послужилъ небольшой дюнный холмъ, извѣстный подъ названіемъ „Городка“. Впервые мнѣ удалось познакомиться съ холмомъ Городка въ 1895 году ¹⁾, когда въ его размытыхъ и вывѣтренныхъ бокахъ были открыты остатки

1) Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки, статья 38.

Б-1205794

К.

04

неолитической стоянки, сопровождавшейся обширными отложениями кухонных отбросовъ, состоявшихъ почти исключительно изъ полуразрушенныхъ двустворчатыхъ раковинъ *Unio*. Обнаженія ихъ покрывали площадь около 150 шаговъ длины и 30 шаговъ ширины. Аналогію столь обширнымъ скопленіямъ можно указать только въ первобытныхъ кухонныхъ отбросахъ побережья Балтійскаго моря. Среди россыпей раковинъ повсюду встрѣчались кости животныхъ, обильные осколки кремня и обломки глиняной посуды, покрытой пестрыми сплошными узорами, характерными для окской неолитической культуры. Къ сожалѣнію, тотъ годъ нельзя было произвести изслѣдованій холма. Между тѣмъ, въ продолженіе трехъ минувшихъ лѣтъ разрушеніе его сильно подвинулось впередъ; отъ него остался кусокъ въ видѣ сегмента, въ 25 аршинъ длины и 15 аршинъ ширины, на которомъ и были сосредоточены описываемыя раскопки, выяснившія, что донная поверхность холма, благодаря продолжительной жизни на немъ доисторическаго человѣка, покрылась тучнымъ слоемъ золисто-углистаго чернозема, достигавшаго до 2¹/₂ аршинъ въ толщину и изобиловавашаго разнаго рода отбросами домашняго обихода; все это, несомнѣнно, указываетъ, что мѣстность являлась очень удобною для стоянокъ и жилищъ древняго человѣка.

Ловецкій городокъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, имѣлъ форму нѣсколько растянутаго эллипсиса, охваченнаго съ востока и сѣвера оз. Лучанскимъ, а съ запада и юга небольшимъ протокомъ, въ настоящее время засыпаннымъ пескомъ и наполняющимся водою только во время весеннихъ окскихъ разливовъ. Такимъ образомъ городокъ нѣкогда представлялъ изъ себя островъ, закрытый со всѣхъ сторонъ водою. Окскій неолитическій человѣкъ весьма дорожилъ такими мѣстностями, избирая ихъ для своихъ стоянокъ; ими, очевидно, дорожилъ и его доисторическій потомокъ позднѣйшихъ культурныхъ эпохъ; по крайней мѣрѣ, мы находимъ здѣсь сосредоточенными бытовые памятники не только неолитической эпохи, но и начала желѣзнаго вѣка.

Произведенныя раскопки показали, что песчаная поверхность Городка прежде всего покрылась пепелисто-темнымъ слоемъ, заключающимъ неолитическіе бытовые остатки. Этотъ слой увеличивался въ мощности по направленію къ срединѣ холма и по направленію къ берегу озера Лучанскаго. О первоначальной его мощности трудно судить въ настоящее время. Можно положительно сказать лишь то, что она значительно превышала полуаршинную толщину, наблюдавшуюся въ траншеяхъ раскопокъ у подошвы культурнаго пласта, недалеко отъ границы его полнаго выклиниванія. По рассказамъ мѣстныхъ жителей, лѣтъ 20 тому назадъ, когда только началъ разрушаться холмъ Городка, его

скать, обращенный къ озеру Лучанскому, стоялъ отвѣснымъ обрывомъ, значительно превышая ростъ человѣка, и въ его золисто-черной почвѣ тогда гнѣздились стаи воронковъ; все подножіе обрыва было усыпано обломками глиняной посуды, раковинами и костями животныхъ, обнажаемыми изъ берега то прибоемъ волнъ разлива, то дѣйствіемъ дождей и вѣтра. Такая значительная высота удерживалась до самой середины холма, но когда разрушеніе пошло далѣе къ противоположной его подошвѣ, то мощность культурнаго пласта стала постепенно уменьшаться.

Интересно, что обнаженія скопленій раковинъ *Unio* постоянно наблюдались въ нижней части слоя. Особенно большое количество ихъ было обнажено въ срединѣ холма, когда они, по показанію крестьянъ, появлялись цѣлыми возами. Въ 1895 г. я видѣлъ сплошь засыпанную ими подошву сохранившагося холма. Полуистлѣвшія раковины часто спрессовывались и образовывали куски въ кулакъ и болѣе величиною. Въ траншеяхъ же раскопки 1898 года онѣ попадались лишь единичными экземплярами, очевидно, представляющими отдѣльныхъ отщепенцевъ отъ общихъ массъ.

Въ слоѣ, содержащемъ раковины, найдено большое количество обломковъ глиняной посуды, осколковъ кремня, рѣже кремневыхъ орудій, но никакихъ слѣдовъ металлическихъ вещей не оказалось.

Обломки посуды постоянно являлись сплошь покрытыми разнообразными узорами, характерными для конца окской неолитической культуры. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ описаній этихъ любопытныхъ памятниковъ, а только замѣтимъ, что форма сосудовъ строго выдержана круглодонною.

Среди кремневыхъ орудій найдены наконечники стрѣлъ, наконечники копій, скребки, ножи и одинъ полированный клинъ или топоръ, лучше другихъ предметовъ характеризующій эпоху остатковъ. Большое количество кремневыхъ осколковъ, несомнѣнно, указываетъ на большое производство здѣсь кремневыхъ орудій.

На ряду со всѣми этими остатками нерѣдко встрѣчались кости дикихъ животныхъ, птицъ и рыбъ, но ихъ количество казалось незначительнымъ въ сравненіи съ массой костей, выполнявшихъ болѣе позднія отложенія культурнаго слоя.

Непосредственно на пепелисто-темный слой неолитической эпохи налегали пестрые культурные слои болѣе поздняго времени. Ихъ общая мощность въ траншеяхъ раскопокъ достигала двухъ аршинъ; поднимаясь отъ подошвы Городка къ его срединѣ, они, въ противоположность неолитическому слою, замѣтно становились тоньше.

Окраска ихъ была въ общемъ темная, но мѣстами она принимала совершенно черный цвѣтъ, что и придавало его разрѣзамъ очень пестрый видъ. Изъ всей свиты разсматриваемыхъ слоевъ, какъ по своей окраскѣ, такъ и по содержимому, стоялъ нѣсколько особнякомъ самый нижній слой; его мощность едва достигала одного вершка; онъ имѣлъ цвѣтъ желтовато-бурый и состоялъ главнымъ образомъ изъ чешуекъ и костей мелкихъ рыбъ, количество и сохранность которыхъ иногда были изумительны! Казалось, какъ будто человекъ, предпочитавшій ранѣе питаться рѣчными моллюсками, сразу сдѣлался самымъ крайнимъ ихтиофагомъ, чтобы перейти затѣмъ столь же быстро къ употребленію въ пищу животныхъ, между которыми играли главную роль домашніе виды.

Насколько представлялось возможнымъ, я внимательно изучалъ рыбоносный слой съ цѣлью опредѣленія его культурной эпохи и пришелъ къ заключенію, что онъ не можетъ быть выдѣленъ изъ общей свиты выше его лежащихъ слоевъ и долженъ относиться къ желѣзному вѣку. Такое заключеніе основывается, главнымъ образомъ, на сходствѣ типовъ глиняной посуды, присутствію остатковъ однихъ и тѣхъ же видовъ домашнихъ животныхъ и почти полномъ отсутствіи кремневыхъ издѣлій.

Между тѣмъ, несмотря на тѣсную физическую связь разсматриваемого слоя съ неолитическимъ, необходимо допустить, что между концомъ образованія одного и началомъ образованія другого прошелъ весьма большой промежутокъ времени, въ продолженіе котораго измѣнился весь бытъ человека и утратилось сходство между типами бытовыхъ остатковъ.

Вся свита пестрыхъ слоевъ выполнялась чрезвычайно обильными обломками костей животныхъ, обломками глиняныхъ издѣлій, рѣже издѣлій изъ кости и камня и еще рѣже—изъ металловъ. Кости принадлежали, главнымъ образомъ, домашнимъ животнымъ: лошади, коровѣ, овцѣ и, весьма вѣроятно, уже прирученной свиньѣ. Изъ костей дикихъ животныхъ здѣсь найдены кости медвѣдя, бобра, лисицы и мелкихъ грызуновъ; кости рыбъ встрѣчались больше въ нижнихъ слояхъ, тогда какъ въ верхнихъ онѣ совсѣмъ отсутствовали, всѣ онѣ принадлежали исключительно мелкимъ рѣчнымъ или озернымъ видамъ. Кости птицъ являлись въ видѣ чрезвычайно рѣдкихъ исключеній.

Необходимо отмѣтить тотъ интересный фактъ, что всѣ болѣе крупныя кости, содержащія мозгъ, оказывались расколотыми вдоль, при чемъ у многихъ расколъ шелъ отъ верха до низа, свидѣтельствуя о замѣчательной силѣ и ловкости ударовъ работника. Разбитыми вдоль

найлены были также черепа коровъ и лошадей. Между прочимъ, одна половинка коровьяго черепа оказалась съ рогомъ, судя по некрупнымъ размѣрамъ котораго можно было заключить, что скотъ того времени не отличался дородствомъ.

Глиняныя издѣлія почти исключительно состояли изъ обломковъ посуды, количество которыхъ оказалось весьма значительнымъ. Они принадлежали къ очень древнему типу и по своимъ узорамъ имѣли сходство съ древними типами посуды московскаго Дьякова, а также и бѣлевскаго Оедашевскаго городищъ. Среди нихъ были найдены обломки и съ тѣмъ самымъ сѣтчатымъ и тканымъ орнаментомъ, которые В. И. Сизовымъ были открыты въ наиболѣе древнихъ слояхъ Дьякова городища ²⁾. Нѣсколько ниже мы встрѣтимся съ тѣмъ же орнаментомъ и въ Городецкомъ городищѣ, гдѣ онъ достигаетъ полнаго блеска своего развитія.

Другихъ образцовъ глиняныхъ издѣлій было мало. Они состояли изъ ложковидныхъ глиняныхъ тиглей и обломковъ неизвѣстныхъ подѣлокъ, — можетъ быть, рыболовныхъ грузилъ, въ общемъ не представляющихъ особаго интереса.

Костяныя издѣлія попадались чаще и если ихъ общее число не велико, то это прямо зависитъ отъ незначительности площади раскопокъ, ограниченной почти полнымъ разрушеніемъ Городка; среди нихъ встрѣчены проколки, иглы, шила и одинъ наконечникъ стрѣлы.

Изъ каменныхъ подѣлокъ найдены точильные бруски, нѣсколько кремневыхъ осколковъ и одинъ наконечникъ кремневой стрѣлы, вѣроятно случайно попавшій вмѣстѣ съ осколками изъ неолитическаго горизонта культурнаго слоя. На прибрѣтенный мною отъ крестьянина каменный топоръ съ цилиндрическою сверлиной, основываясь на несомнѣнныхъ находкахъ подобныхъ топоровъ въ слояхъ Городецкаго городища, можно отнести къ культурѣ желѣзнаго вѣка.

Металлическихъ вещей найдено двѣ: одинъ мѣдный или бронзовый браслетъ и одинъ ржавый желѣзный предметъ, представляющій, по видимому, остатки миниатюрнаго ножа.

Подводя итогъ ко всему сказанному, мы приходимъ къ заключенію, что Ловецкій Городокъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ стоянокъ неолитическаго человѣка, при которомъ дюнная поверхность холма была столь сильно загромождена всевозможными отбросами домашняго обихода, а въ особенности кухни, что рельефъ всей мѣстности измѣнился, ставши значительно выше.

²⁾ В. И. Сизовъ. Дьяково городище, близъ Москвы; Труды IX Арх. Съѣзда, т. II, стр. 258 и 262.

Затѣмъ, прошло много времени, въ продолженіе котораго Городокъ оставался необитаемымъ и только съ наступленіемъ желѣзнаго вѣка онъ снова и, повидимому, твердо былъ занятъ человѣкомъ, оставшимся здѣсь продолжительное время. Благодаря всему этому, культурные слои, покрывшіе холмъ, достигли необыкновенной толщины, превышающей ростъ человѣка. Эти слои, если даже судить по количеству изслѣдованныхъ остатковъ, найденныхъ раскопками уже на склонѣ холма, менѣе удобномъ для непосредственной жизни человѣка, должны быть чрезвычайно обильны, что и подтверждается общими показаніями жителей Ловецкихъ выселокъ.

Мои раскопки едва-едва успѣли, чтобы фактически засвидѣтельствовать археологическое значеніе Ловецкаго Городка, что года черезъ два или три могло оказаться уже невозможнымъ.

II. Изслѣдованія Городецкаго городища.

Городецкое городище находится въ $1\frac{1}{2}$ версты къ востоку отъ с. Городца. Оно расположено на трехугольномъ береговомъ мысѣ, съ одной стороны ограниченномъ оврагомъ, а съ другой — обрывомъ, спускающимся къ рѣкѣ Кишнѣ. Съ напольной стороны городище замыкалось землянымъ валомъ и наружнымъ рвомъ. Мысовой уголъ его въ настоящее время окончательно разрушенъ весенними окскими разливами, и при такомъ видѣ наибольшая длина городища равняется 115, а наибольшая ширина 100 аршинамъ.

Весь дворъ городища покрытъ культурнымъ слоємъ, мощность котораго мѣстами достигаетъ до 5-ти аршинъ. Валъ, четырехаршинной высоты, заросъ въ немъ настолько, что объ его существованіи безъ раскопокъ нельзя было предполагать. Средняя мощность культурнаго слоя не превышаетъ однако аршина. Увеличеніе ея идетъ замѣтно отъ мыса по направленію вала и максимумъ совпадаетъ съ мѣстами ямъ древнихъ землянокъ.

Изучая культурный слой на тѣхъ участкахъ, гдѣ онъ не былъ нарушенъ ни древними, ни болѣе поздними земляными выемками, въ немъ можно было выдѣлить два совершенно самостоятельныхъ горизонта: нижній, отличающійся нѣжнымъ пепелисто-темнымъ цвѣтомъ, и верхній, окрашенный въ углисто-темный, а мѣстами въ черный цвѣтъ. Изъ нихъ первый представлялъ слой въ $1\frac{1}{2}$ вершка толщиною и распространялся совершенно независимо отъ предѣловъ городища, слѣдуя берегу р. Кишни. Еще въ экскурсію 1890 года я могъ прослѣдить его непрерывное распространеніе отъ кладбищенской церкви с. Го-

рода до с. Киструсь, т. е. на протяженіи 7 верстъ. Этотъ слой, судя по характеру его распространенія и заключеннымъ въ немъ остаткамъ, несомнѣнно, получился въ древнѣйшія времена отъ сплошнаго выжиганія мѣстности огнемъ. Повсюду, гдѣ разсматриваемый слой совпадаетъ съ участками берега удобными для первобытныхъ стоянокъ, въ немъ открываются скопленія осколковъ кремня, кремневыхъ орудій и другихъ предметовъ, характерныхъ для окской неолитической эпохи. Совершенно такіе же остатки были въ немъ найдены и на площади городища. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ два предмета: обломокъ кремневой стрѣлы съ остатками какой-то мастики, вѣроятно всею, горной смолы, посредствомъ которой орудіе могло прикрѣпляться къ древку и кремневый отбойникъ овальной формы съ признаками его продолжительнаго или частаго употребленія въ дѣло. Въ окскихъ неолитическихъ стоянкахъ отбойники обыкновенно употреблялись удлиненной призматической формы; круглые же отбойники очень рѣдки; въ продолженіе десятилѣтнихъ моихъ экскурсій, мнѣ удалось найти лишь одинъ подобный экземпляръ на Облачинской дюнѣ, близъ с. Дегтянова, сравнительно не далеко отъ Городецкаго городища. Между тѣмъ интересно отмѣтить, что такія формы кремневыхъ отбойниковъ являются обычными и, кажется, единственными въ неолитическихъ мастерскихъ и стоянкахъ крайняго запада Европы, напр. Бельгіи и Франціи ³⁾.

Совсѣмъ другое отношеніе къ городищу имѣетъ верхній горизонтъ культурнаго слоя. Онъ развитъ исключительно въ предѣлахъ городища и выполнилъ всѣ имѣющіеся на немъ древніе разрѣзы почвы. Заключенные въ немъ культурные остатки имѣютъ совершенно спеціальныи и повсюду однородный характеръ, указывающій на то, что слой отложился за время обитанія городища, возникшаго на почвѣ едва тронутой первобытною культурой. Въ этомъ слое повсюду были найдены обильныя кости домашнихъ животныхъ, большое количество глиняныхъ издѣлій, довольно примитивныя издѣлія изъ кости и камня, остатки обработки металловъ и металлическія издѣлія; но прежде чѣмъ приступить къ ихъ обзору, мы разсмотримъ не менѣе любопытные остатки земляныхъ жилищъ доисторическаго обитателя городища, въ которыхъ главнымъ образомъ и сосредоточивались разнообразныя памятники его домашняго обихода.

Такихъ жилищъ прослѣжено семь. Всѣ они, повидимому, имѣли видъ четырехугольныхъ обширныхъ ямъ, изъ которыхъ только одна приходилась въ срединѣ двора, прочія же располагались по окраинамъ

³⁾ Baron A. de Loë et E. de Munc. Ateliers et puits d'extraction de silex en Belgique en France, en Portugal, en Amerique, Pl. XI, fig 12 et 13.

такъ, что ими замыкалось городище со всѣхъ сторонъ и представляло видъ, до нѣкоторой степени напоминающій краалы кафровъ и зулусовъ южной Африки; причемъ свободная середина двора и промежутки между землянками, вѣроятно же всего, предназначались служить для загона домашнего скота.

Длина землянокъ варіировала между 10 и 18, ширина около 8, а глубина около $1\frac{1}{2}$ аршинъ. Полъ нѣкоторыхъ землянокъ найденъ заросшимъ вершковъ на 5-ть желтовато-бурою, плотною почвой, въ которой крупныхъ бытовыхъ остатковъ почти не оказывалось, но встрѣчалось много мелкихъ рыбныхъ костей и чешуи, которыя, въ свѣжихъ разрѣзахъ почвы, являлись почти незамѣтными, но когда послѣдняя хорошо просыхала и вывѣтривалась, то миллиарды ихъ, точно иглы ежа, выступали наружу и тогда самый цвѣтъ слоя измѣнялся въ пепелисто-сѣрый. Разматриваемый слой, повидимому, отложился еще при жизни первоначальныхъ владѣльцевъ землянокъ. Въ этомъ случаѣ весьма важно отмѣтить, что въ слоѣ, среди рыбныхъ костей и чешуи, нерѣдко встрѣчались нѣжныя раковины сухопутныхъ моллюсковъ, преимущественно изъ семействъ *Helix* и *Clausilia*. Остатки этихъ лѣтнихъ животныхъ какъ бы указываютъ на то, что въ теплое время года городецкій человѣкъ оставлялъ землянки совершенно свободными, переселяясь въ другія болѣе удобныя жилища, подобно тому, какъ это дѣлаютъ наши сибирскіе инородцы, эскимосы Сѣверной Америки и многія другія племена, стояція на низкой степени культурнаго развитія. Иначе трудно объяснить явленіе моллюсковъ въ домашнемъ сору, куда они не могли проникнуть при условіи постояннаго обитанія землянокъ.

Боковыя стѣнки ямъ дѣлались не особенно крутыми, что можетъ быть зависѣло отъ песчанаго грунта. Внутри всѣхъ ямъ встрѣчались болѣе или менѣе сплошные прослой древеснаго угля, вѣроятно же всего представлявшіе остатки сгорѣвшихъ крышъ землянокъ.

Въ обширной землянкѣ, расположенной у внутренняго ската вала, была открыта настилка изъ обугленныхъ досокъ, имѣвшихъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 вершковъ толщины и вершковъ 6—7 ширины. Эта настилка поддерживалась переводинами, вершковъ 6-ти въ діаметрѣ; концы ея покоились на горизонтѣ, а середина въ видѣ сплошнаго слоя угля, провисла и опала до пола землянки. Выше настилки лежалъ слой желтоватаго песка, вершковъ 6-ти толщиной, въ свою очередь покрытый сверху тонкимъ прослойкомъ пепелисто-сѣраго цвѣта, рѣзко отдѣлявшаго песчаный слой отъ выше лежащаго углисто-темнаго пласта, отложившагося надъ землянкой позднѣе ея заустѣнія.

Характеръ досчатой настилки и обонихъ покрывшихъ ее слоевъ, а

также ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу невольно приводили къ мысли, что всѣ они составляли крышу землянки, сооруженной изъ досокъ и земли, въ послѣдствіи заросшей густымъ газономъ. Когда землянка сгорѣла, то обуглившаяся досчатая настилка крыши, вмѣстѣ съ землянымъ прикрытіемъ, опустилась внизъ, причемъ на поверхности послѣдней образовался весьма характерный прослойкъ пепелисто-сѣраго цвѣта.

Чтобы дать возможность въ будущемъ провѣрить точность моихъ наблюдений, я оставилъ большую часть землянки неразрытою, засыпавъ сдѣланныя выемки.

Какого же вида могла быть крыша изслѣдуемой землянки? Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, получается при слѣдующемъ рядѣ соображеній. Основаніе крыши, сообразно съ формой землянки, должно быть четырехугольнымъ; а при такомъ условіи крыша могла быть или горизонтальною, или односкатною, или многоскатною. Но горизонтальной крыши невозможно допустить, потому что при ней землянка была бы слишкомъ низка, всего въ 20 вершковъ высоты. Трудно допустить также и крышу многоскатную, такъ какъ подобная крыша по необходимости должна была бы явиться высокою и крутою, а слѣдовательно неудобною для насыпки сверху земли, между тѣмъ какъ существованіе такой насыпки почти невозможно отрицать; поэтому остается только проектировать крышу односкатною, которая представляется и достаточно простою, и достаточно удобною въ примѣненіи къ землянкѣ, и вполнѣ допускающею возможность существованія какъ тяжелой досчатой настилки, такъ и еще болѣе тяжелой земляной насыпи, какія были прослѣжены въ описанной землянкѣ. Что касается фронтальной и боковыхъ стѣнъ, необходимыхъ при такой крышѣ, то онѣ легко могли быть устроены обитателемъ городища какъ изъ плетня, такъ изъ тына, осыпанныхъ снаружки земляными валиками или обложенныхъ мохомъ, сѣномъ и т. п.

Таковыми, вѣроятно, были и прочія землянки Городецкаго городища, при чемъ общимъ своимъ видомъ онѣ могли бы живо напомнить бивачныя односкатныя землянки современной полевой фортификаціи. Отопленіе этихъ жилищъ, повидимому, производилось при помощи простыхъ костровъ, расположенныхъ въ срединѣ пола землянокъ.

Ямы послѣднихъ, какъ было выше замѣчено, служили центрами разнообразныхъ скопленій предметовъ древняго домашняго обихода. Среди нихъ, по своему количеству, первое мѣсто занимали кости животныхъ и рыбъ. Кости животныхъ принадлежали слѣдующимъ домашнимъ и дикимъ видамъ: лошади, коровѣ, овцѣ, свинѣ, лосю, медвѣдю, волку, лисицѣ, куницѣ, хорьку и одному мелкому грызуну. Подавляю-

щее большинство приводится на долю лошади. Въ продолженіе раскопокъ тщательно отбирались всѣ встрѣченныя фаланги животныхъ и общій подсчетъ ихъ далъ слѣдующія не лишеныя интереса цифры:

Фалангъ лошади найдено	139
„ коровы „	48
„ свиньи „	8
„ овцы „	2
„ лося „	8
„ медвѣдя „	1

Въ пользу преобладающаго большинства лошади указывало и количество ея зубовъ и нижнихъ челюстей. Очевидно, однимъ изъ главныхъ занятій Городецкаго человѣка служило коневодство.

Съ другой стороны, весьма любопытно отмѣтить, что между массою костей животныхъ и рыбъ, кости птицъ составляли чрезвычайно рѣдкое исключеніе; ихъ всего найдено только 5 экземпляровъ. Костей зайца совсѣмъ не оказалось; не оказалось также никакихъ признаковъ существованія собаки.

Еще отмѣтимъ, что въ Городецкомъ городищѣ, совершенно такъ же, какъ и въ Ловецкомъ городкѣ, всѣ крупныя кости, содержащія мозгъ, были расколоты вдоль.

Второе мѣсто послѣ костей по количеству экземпляровъ занимали остатки глиняныхъ издѣлій, которыя состояли изъ обломковъ посуды, прясли, рыболовныхъ грузилъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, назначеніе которыхъ остается загадочнымъ. Больше всего было обломковъ посуды. Они представляютъ здѣсь большой интересъ. Ихъ изслѣдованіе, кромѣ того что знакомитъ насъ съ твердо выработаннымъ типомъ доисторической керамики, открываютъ еще предъ нашими глазами цѣлый магазинъ доисторическихъ тканей, плетеній и рогожъ. Совершая все это, невольно склоняешься къ мысли, что керамика есть лучшая лѣтопись доисторической жизни! Некрасивыми, невзрачными на видъ обломками грубой посуды, которые подчасъ неприятно взять въ руки, археологу также удобно пользоваться для отысканія хронологическихъ датъ, какъ удобно для той же цѣли пользоваться остатками ископаемыхъ раковинъ геологу!

Что прежде всего бросается въ глаза въ городецкой посудѣ, такъ это — единство ея типа. Очевидно, вся масса ея была погребена въ почву въ одинъ и сравнительно короткій періодъ времени.

Глина посуды смѣшана съ дресвой и лишь въ исключительныхъ случаяхъ съ обломками раковинъ. Обжигъ ея сильный. Формовка руч-

ная. Стѣнки тонкія, неровныя, а днища—плоскія. Можетъ быть для переноски и подвѣшиванія, а можетъ быть и для украшенія, въ краяхъ сосудовъ продѣлывались сквозныя дыры, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ располагались по-парно, а чаще шли непрерывнымъ рядомъ вокругъ всей шейки. Изрѣдка встрѣчаются сосуды съ сквозными дырами въ бокахъ и днѣ. Западные археологи относятъ такіе сосуды къ сыровареннымъ. Лично я, еще недавно, раздѣлялъ такой взглядъ, но въ описываемую экскурсію, мнѣ удалось найти въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ обломки подобныхъ сосудовъ въ окскихъ неолитическихъ стоянкахъ, въ которыхъ ни разу не были найдены признаки скотоводства, а это можетъ говорить за то, что назначеніе сквозныхъ дыръ въ бокахъ и днищахъ сосудовъ могло быть и другое, чѣмъ опредѣленное западными учеными, — и во всякомъ случаѣ ставить вопросъ открытымъ.

Изъ всей массы обломковъ посуды, болѣе двухъ третей оказалось орнаментированными сплошными рябыми узорами, на первый взглядъ весьма однообразными, а въ дѣйствительности скрывающими въ своихъ деталяхъ много несходныхъ совершенно оригинальныхъ чертъ. На нѣкоторыхъ мы встрѣчаемъ узоры, воспроизведенные тонкою нитью, живо напоминающіе нитяные узоры окскихъ стоянокъ бронзовой эпохи, но они здѣсь не пользуются такою распространенностью: ихъ замѣняютъ неизвѣстные въ болѣе раннихъ окскихъ культурахъ узоры, воспроизводимые сѣтками и тканями, которыя возстаютъ предъ нами въ большомъ разнообразіи. Достаточно сказать, что по отпечаткамъ этого орнамента, мы знакомимся съ тремя совершенно различными видами тканей: тонкой, очень похожей на современное, ручное грубое полотно, — средней, похожей на особыя ткани, часто употребляемыя крестьянами среднихъ губерній на хлѣбные мѣшки — и наконецъ очень толстой, схожей съ самыми грубыми современными тканями, извѣстными подъ названіемъ „дерюгъ“ и употребляемыми на половики и настилки въ крестьянскихъ домахъ. Далѣе слѣдуютъ узоры, воспроизводимые рогожами. Количество такихъ узоровъ очень велико. Они доказываютъ, что обитатели Городецкаго городища были отличными мастерами рогожнаго дѣла. Судя по отгискамъ и слѣпкамъ, ихъ рогожа была тонка, плотна и вообще очень добротна; выплеталась она преимущественно изъ узкихъ полосокъ древесной коры, вѣроятно, луба и бересты.

Сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ появлялись обломки посуды со стѣнками, украшенными тѣмъ грубымъ ямочнымъ узоромъ, который впервые появляется въ окской культурѣ въ бронзовую эпоху.

Изъ другихъ глиняныхъ издѣлій, прежде всего останавливаютъ

вниманіе прясла. Число же ихъ не особенно велико; формы самыя простыя, два изъ нихъ оказались украшенными точечнымъ орнаментомъ. Прясла въ городецкой культурѣ интересны въ томъ отношеніи, что среди болѣе древнихъ окскихъ памятниковъ ихъ совсѣмъ не оказывается. То же можно сказать про ложковидные тигли и рыболовныя грузила. Помимо этихъ предметовъ есть еще нѣсколько фрагментовъ какихъ-то загадочныхъ подѣлокъ, но мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Большую роль въ жизни городецкаго человѣка играли издѣлія изъ кости, среди которыхъ мы видимъ наконечники стрѣлъ, иглы, разнообразныя проколки или шила, долота, гарпуны, плоскія, тупыя орудія ножевидной формы; кости, служившія украшеніями, таковы зубъ съ сверлиною и съ такою же сверлиною небольшая кость, которая могла играть роль бусины или еще вѣроятнѣе, пряжки для застегиванія одежды. Всѣ эти издѣлія очень просты и первобытны. По типу они схожи съ простѣйшими костяными подѣлками Дьякова городища ⁴⁾. Для большей твердости, нѣкоторыя изъ орудій искусственно обожжены на огнѣ.

Не успѣли еще выйти изъ обихода городецкаго человѣка и каменные орудія. Въ экскурсію, 1895 года, мнѣ самому лично удалось извлечь изъ слоя одной обрушившейся землянки діоритовый топоръ съ правильною цилиндрическою сверлиною, разломившійся на двѣ части ⁵⁾. Во время описываемыхъ раскопокъ былъ найденъ обломокъ второго такого же топора и нѣсколько каменныхъ орудій загадочнаго назначенія, изъ которыхъ три имѣютъ цилиндрическую форму и напоминаютъ песты неолитической эпохи. Всѣ они сдѣланы или изъ кристаллическихъ валуновъ или песчаника, и обработаны посредствомъ шлифовки. Кремневыхъ орудій, несомнѣнно принадлежащихъ культурѣ, городища не найдено, за исключеніемъ одного экземпляра, извлеченнаго изъ мусора землянки, загадочнаго назначенія, но имѣющаго признаки чистаго употребленія его въ дѣло, выразившіеся въ полировку его рабочаго клиновиднаго ребра. Въ землянкахъ изрѣдка встрѣчались одиночные экземпляры кремневыхъ осколковъ, почти всегда несшихъ слѣды вліянія на нихъ сильнаго жара, но эти осколки совсѣмъ не указываютъ на существованіе обработки кремневыхъ орудій, очевидно, совершенно покинутой и забытой.

Къ разряду каменныхъ орудій необходимо отнести овальные и цилиндрическіе камни, отъ 1 до 1¹/₂ вершковъ въ діаметрѣ, съ зашлифованными одною или нѣсколькими гранями. Въ этихъ камняхъ не

⁴⁾ В. И. Сизовъ. Дьяково городище и пр., т. II, табл. XXI—XXIII.

⁵⁾ Матеріалы для археол. карты дол. и бер. р. Оки, статья 96.

трудно узнать первобытные ручные жернова, служившіе для растиранія хлѣбныхъ зеренъ на болѣе обширныхъ каменныхъ плитахъ, какіе имѣются въ наше время въ употребленіи у нѣкоторыхъ африканскихъ ди-карей⁶⁾. Ихъ сравнительно частое нахожденіе въ культурномъ слоѣ городища какъ будто указываетъ на распространенность земледѣлія, слѣды котораго въ болѣе раннихъ культурныхъ эпохахъ на Окѣ или совсѣмъ неизвѣстны, или сомнительны.

Изъ металлическихъ издѣлій, несмотря на обширность площади раскопокъ, найдено только три предмета: два желѣзныхъ ножа и одинъ ржавый желѣзный крючекъ, формою напоминающій удильные крючки. Несомнѣнной связи этихъ предметовъ съ культурой городища не установлено, такъ какъ они были найдены въ самыхъ верхнихъ горизонтахъ культурнаго слоя. Одинъ изъ ножей имѣетъ форму серповидно выгнутую, что указываетъ на сходство его съ желѣзными ножами Дьякова и Вятскихъ костеносныхъ городищъ и можетъ говорить за его значительную древность и современность изслѣдуемому городищу.

Во всякомъ случаѣ, обитателю послѣдняго, несомнѣнно, было извѣстно употребленіе металловъ, такъ какъ въ его жилищахъ найдены тигли, а вблизи ихъ нѣсколько кусковъ металлическихъ шлаковъ, изъ которыхъ одинъ оказался желѣзнымъ.

На этомъ мы закончимъ обзоръ памятниковъ городища. Въ итогѣ они рисуютъ предъ нами живую картину изъ жизни древнѣйшаго человека, который заботливо выбираетъ наиболѣе неприступныя мѣста для своихъ жилищъ, усиливая ихъ искусственными насыпями и рвами; затѣмъ сооружаетъ обширныя землянки, въ которыхъ и проводитъ зиму; его время занято скотоводствомъ, въ особенности коневодствомъ, затѣмъ рыболовствомъ, охотою, земледѣліемъ, изготовленіемъ костяныхъ, каменныхъ и металлическихъ издѣлій, а также приготовленіемъ разнообразныхъ тканей и плетеній. При всемъ томъ, есть признаки, указывающіе, что образъ жизни обитателя городища не былъ совершенно осѣдлымъ и представляется весьма вѣроятнымъ, что лѣтнее время онъ предпочиталъ жить въ другихъ, болѣе удобныхъ для него жилищахъ.

Къ какому времени относится культура Городецкаго городища и къ какой народности принадлежалъ его обитатель?

Совокупность культурныхъ остатковъ позволяетъ отнести время существованія городища къ глубокой древности и именно къ той древности, когда каменные орудія еще не вышли изъ употребленія, когда главную роль играли орудія изъ кости и только-только что появлялись

⁶⁾ Ш. Летурно. Соціологія основанная на этнографіи, в. III, стр. 260.

орудія изъ желѣза. Вѣроятнѣе всего Городецкое городище относится къ началу желѣзнаго вѣка въ центральной Россіи. Культура его, несомнѣнно, синхронична съ древнѣйшею культурой Дьякова городища ⁷⁾, а также и съ изслѣдованною нами культурой пестрыхъ слоевъ Ловецкаго городка, но въ отношеніи типа она стоитъ выше обоихъ указанныхъ культуръ, такъ какъ является чище и однороднѣе ихъ, и поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія археологовъ.

Что касается народности обитателя Городецкаго городища, то этотъ вопросъ является болѣе сложнымъ. Его рѣшеніе нѣсколько подвигается впередъ изслѣдованіемъ генезиса городецкой культуры, которое въ общемъ приводитъ къ заключенію, что она произошла изъ мѣстной окской культуры бронзовой эпохи, а отсюда можно полагать, что и виновникъ ея былъ мѣстнымъ аборигеномъ. Въ виду же того, что время городища, какъ относящееся къ началу желѣзнаго вѣка въ средней Россіи, приблизительно должно совпадать съ періодомъ времени Геродота и началомъ христіанской эры, когда, въ рассматриваемой области Россіи, аборигенами преимущественно указываются финны, то и обитателей Городецкаго городища естественнѣе всего относить къ этому племени.

Покончивъ съ описаніемъ городища, намъ остается упомянуть о раскопкахъ въ ближайшихъ окрестностяхъ его трехъ небольшихъ кургановъ. Насыпи этихъ кургановъ были довольно сильно испорчены. Остатки погребеній покоились подъ ними въ грунтѣ, ниже горизонта, въ четырехугольныхъ могилахъ, глубиною около 8 вершковъ. Сильно истлѣвшіе костяки сохранились лишь въ двухъ курганахъ. Оба они лежали на спинѣ съ согнутыми въ локтяхъ руками и положенными такъ, что кисти ихъ приходились на тазу. Головами костяки лежали на С и СЗ. Вещей при нихъ не оказалось, но при одномъ были найдены обломки двухъ перержавившихъ желѣзныхъ гвоздей, лежавшихъ въ головахъ и ногахъ.

Судя по положенію костяковъ, устройству кургановъ и присутствію гвоздей въ могилахъ, могущихъ указывать на похороны покойниковъ въ деревянныхъ гробахъ или колодахъ, всѣ три изслѣдованные кургана должны относиться сравнительно къ позднему времени и къ Городецкому городищу никакого отношенія не имѣютъ.

⁷⁾ В. И. Сизовъ. Дьяково городище, близъ Москвы. Труды IX Арх. Съезда, т. II, стр. 258.

III. Изслѣдованія береговой дюны въ р. Ужалѣ.

Цѣлью изслѣдованія Ужалской дюны, расположенной вдоль берега поемной окской долины, служили предметы древности, по своему характеру казавшіеся современными съ подобными имъ предметами Алекановой стоянки бронзовой эпохи. Эти предметы наблюдались мною въ 1895 году, западнѣ деревни, на поверхности обширной площади обнаженія темнаго культурнаго слоя. Единственно, что прежде всего мое вниманіе и было привлечено къ указанной площади, но при осмотрѣ оставалось только убѣдиться въ томъ, что не только остатки древности, видѣнные въ 1895 г., но и самый культурный слой пересталъ существовать, будучи вполне уничтоженнымъ движеніемъ легкихъ дюнныхъ песковъ. По необходимости пришлось вести рекогносцировочные раскопки на новыхъ мѣстахъ.

Прежде всего поиски были произведены на южной окраинѣ деревни, какъ разъ противъ западнаго конца озера Малаго. По показанію жителей, въ этомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обнажались весенними ручьями человѣческіе черепа и кости. Три небольшихъ траншей, проведенныя здѣсь, выяснили, что съ самой поверхности открывался пепелисто-темный культурный слой, уходившій въглубь почвы вершковъ на 8-мь, а ниже его залегали красноватые дюнные пески.

Въ культурномъ слоѣ были найдены въ большомъ количествѣ обломки глиняной посуды по типу очень близкой къ посудѣ Алекановской стоянки бронзовой эпохи, рѣже попадались осколки кремня, указывавшіе на мѣстную выдѣлку кремневыхъ орудій, среди которыхъ были найдены въ нѣсколькихъ экземплярахъ и самыя орудія, но въ сломанномъ видѣ; здѣсь же были встрѣчены кости животныхъ, изъ которыхъ легко опредѣлялись зубы лошади, коровы и обломки рога лося.

Въ одной изъ траншей, на глубинѣ 9-ти вершковъ отъ поверхности почвы, въ красноватомъ пескѣ, была найдена берцовая, сильно обгнившая кость человѣка. Какое отношеніе она имѣла къ вышерассмотрѣннымъ бытовымъ памятникамъ и какимъ образомъ попала въ почву, осталось неразгаданнымъ, хотя, весьма вѣроятно, что кость представляла часть истлѣвшаго костяка простого погребенія.

Благодаря невозможности продолжать раскопки на взятой мѣстности, частію застроенной крестьянскими домами, а частію размытой весенними ручьями, сбѣгавшими съ окрестныхъ полей въ озеро Малое, изслѣдованія были перенесены на восточную окраину деревни, гдѣ среди общаго разрушенія дюны, случайно уцѣлѣлъ небольшой участокъ древняго культурнаго слоя, окрашеннаго въ углисто-темный цвѣтъ. По сня-

тіи этого слоя, была обнаружена яма, обозначившаяся на фонѣ свѣтлыхъ, слегка красноватыхъ песковъ темнымъ овальнымъ пятномъ длиною въ три, а шириною въ одинъ аршинъ и двѣнадцать вершковъ. Почва, выполнявшая яму, оказалась черною; въ ней найдены угли, большое число овальныхъ голышей величиною въ кулакъ и менѣе, подвергавшихся сильному прокаливанію и вслѣдствіе этого часто растрекивавшихся и распадавшихся на куски; обильныя кости и чешуйки рыбъ, изъ которыхъ были опредѣлены кости судака, леща, щуки и окуня; кости животныхъ: лошади, лося и бобра; одно кремневое орудіе и нѣсколько обломковъ глиняной посуды, совершенно схожихъ съ обломками посуды вышеописанныхъ первыхъ траншей.

Дальнѣйшія поиски на дюнѣ не привели ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ весь ея береговой скатъ, отличавшійся особеннымъ изобиліемъ археологическихъ памятниковъ, оказался совершенно уничтоженнымъ движеніемъ песковъ.

IV. Результаты изслѣдованія на дюнѣ «Могилкахъ», въ окрестностяхъ с. Алканова.

Въ 1897 году, на дюнѣ Могилкахъ, были открыты мною остатки стоянки бронзовой эпохи; ⁸⁾). Такъ какъ изслѣдованіе ея тогда не было доведено до конца, то я рѣшился докончить его, что и было выполнено въ одинъ день при участіи 25 человекъ рабочихъ. Результатомъ работы явились факты, подтверждающіе вѣрность опредѣленія эпохи стоянки, а также факты, значительно увеличивающіе знакомство съ нѣкоторыми чертами быта человека разсматриваемой эпохи.

Центромъ всѣхъ бытовыхъ остатковъ стоянки, какъ и ранѣе было выяснено ⁹⁾), служилъ очагъ, открытый въ 1897 году. По сторонамъ его вновь найдены такіе же булыжники, изъ какихъ слагался и самый очагъ. Въ разстояніи аршинъ двухъ къ сѣверу отъ послѣдняго вырыты два глиняныхъ горшка, стоявшихъ рядомъ. Оба они оказались раздавленными на мелкіе куски. Изъ нихъ одинъ имѣлъ дно круглое, а другою плоское; послѣдній удалось реставрировать. Шейки обоихъ сосудовъ украшались довольно красивымъ орнаментомъ изъ линій мелкаго прямозубчатого чекана и точечныхъ вдавленій, но боковыя стѣнки оставались безъ всякаго орнамента.

Къ югу отъ очага, также недалеко отъ него было добыто нѣ-

⁸⁾ Результаты арх. изслѣд. въ Бѣлевскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ въ 1897 г. Археолог. Изв. и Замѣтки 1898 г., №№ 7 и 8.

⁹⁾ Ibidem. Результаты изслѣдованія дюны Могилкогъ.

сколько кремневых орудій, среди которыхъ особенно интересенъ по своей тщательной отдѣлкѣ и формѣ небольшой серповидно-изогнутый кремневый ножъ, и сверхъ сего здѣсь же была найдена бронзовая булава съ линейнымъ орнаментомъ, формою живо напоминающая нѣкоторыя изъ датскихъ булавокъ бронзовой эпохи, и кусочекъ свинца.

Въ томъ же направленіи, но въ разстояніи шаговъ десяти, были открыты двѣ ямы, въ діаметрѣ имѣвшія отъ двухъ до трехъ аршинъ; на днѣ ихъ найдены осколки кремня, остатки костей животныхъ и обломки посуды съ виточнымъ орнаментомъ. Обѣ ямы располагались рядомъ, вдоль берега озера Казарскаго и, вѣроятно же всего, представляли остатки одной и той же стоянки, къ которой принадлежитъ очагъ, сложенный изъ камней.

По окончаніи изслѣдованія стоянки, раскопки были перенесены на площадь древняго поселка, относившагося приблизительно къ X — XI вѣку. Всего проведено было двѣ траншеи и въ нихъ, между прочимъ, удалось найти два обломка глиняной посуды съ начерченными знаками, схожими съ тѣми, которые оказались на погребальномъ сосудѣ, вырытомъ на той же площади, въ 1897 году¹⁰⁾. Эти обломки прежде всего подтверждаютъ мысль объ одновременности встрѣченныхъ на днѣ, въ 1897 году, погребеній съ поселкомъ, а потомъ указываютъ и на значительное употребленіе этихъ знаковъ среди обитателей поселка.

Кромѣ того, въ тѣхъ же траншеяхъ найдены желѣзный ножъ, наконечникъ желѣзной стрѣлы, бусина разноцвѣтной пасты, обломокъ известковаго жернова и много обломковъ посуды.

V. Результаты изслѣдованія холма «Черепковъ», въ окрестностяхъ с. Дубровичъ.

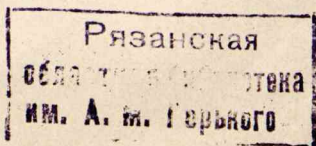
Холмъ „Черепковъ“ изслѣдовался мною ранѣе¹¹⁾; онъ представлялъ изъ себя сравнительно небольшую плотину, сложенную изъ известковаго камня, на поверхности намывного песчанаго острова одной изъ древнихъ старицъ р. Оки. Цѣль сооруженія заключалась въ томъ, чтобы искусственнымъ повышеніемъ поверхности избранной мѣстности сдѣлать ее удобною для жилищъ, защищенныхъ со всѣхъ сторонъ водою и въ то же время недоступныхъ для высокихъ и не всегда покойныхъ весеннихъ разливовъ р. Оки.

Этотъ замѣчательный памятникъ, еще при первомъ его изслѣдова-

¹⁰⁾ Археологич. Изв. и Замѣтки, 1898 г., №№ 11 и 12.

¹¹⁾ Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки. Труды VII Археол. Съезда, томъ III, стр. 161—199.

Б-1205794

ни, былъ найденъ въ большомъ разореніи, произведенномъ эксплуатаціею известковаго щебня, такъ что не оставалось надежды на открытіе сколько-нибудь цѣльныхъ картинъ древняго быта. Въ послѣдніе года разореніе увеличилось и вѣроятность интересныхъ открытій уменьшилась. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое положеніе вещей, результаты изслѣдованія 1898 года превзошли всѣ ожиданія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ открытыя землянки, давшія обильный матеріалъ для изученія культуры ихъ первобытныхъ обитателей. Мы остановимся и рассмотримъ эти памятники болѣе подробно; но предварительно замѣтимъ, что раскопки обѣихъ землянокъ велись такимъ способомъ, что стѣнки ихъ по возможности не портились, а оставались въ первоначальномъ видѣ, по окончаніи же изслѣдованія ихъ содержимаго вновь засыпались тою же почвой, какая изъ нихъ вынималась. Такой способъ изслѣдованія, можетъ быть, сохранить памятники для будущаго времени и дать возможность сдѣлать повѣрку ихъ предшествующихъ изслѣдованій.

Землянка № 1.

Землянка была открыта въ сѣверо-западномъ сегментѣ эллипсиса плотины. Яма ея обозначилась на глубинѣ 7 вершковъ отъ поверхности почвы болѣе темнымъ углистымъ пятномъ, имѣвшимъ въ діаметрѣ 7 аршинъ. При отчисткѣ ямы, были найдены въ большомъ количествѣ обломки глиняной посуды неолитическаго типа, множество осколковъ кремня и костей животныхъ. Особенно много бытовыхъ остатковъ оказалось въ черномъ, жирномъ слоѣ, отложившемся непосредственно на днѣ ямы.

Стѣнки землянки, начиная сверху, шли къ срединѣ довольно отлого по выгнутой линіи. Дно ея было выложено известковыми камнями, величиною съ куриное яйцо; въ срединѣ былъ устроенъ очагъ въ видѣ продолговатой ямы съ боками и дномъ, также выложенными известковыми камнями. Глубина очага достигала 12 вершковъ, ширина $1\frac{1}{2}$, а длина $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Одна половина очага оказалась наполненною золою и углемъ, а другая—массой расколотыхъ костей. Этихъ костей вынуто изъ очага три большихъ корзины, всего не менѣе трехъ кубическихъ футовъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что кости эти попали въ яму очага не случайно!

Послѣ внимательнаго осмотра извлеченныхъ костей, было замѣчено, что всѣ онѣ составляли осколки нижнихъ конечностей крупныхъ животныхъ, другихъ же костей — реберъ, позвонковъ, тазовъ, череповъ—среди нихъ совсѣмъ не оказалось, за исключеніемъ лишь двухъ,

повидимому, сосиныхъ лопатокъ, лежавшихъ сверху костяной груди. Такое явленіе какъ бы указываетъ на то, что кости предназначались для издѣлій и складывались у огня очага съ особенною цѣлью. Весьма возможно, что это дѣлалось специально для просушки костей, чтобы придать имъ больше твердости и прочности, нужныхъ въ костяныхъ издѣліяхъ, въ особенности орудіяхъ. На такую мысль, по крайней мѣрѣ наводитъ и то, что всѣ эти кости найдены лучше сохранившимися, чѣмъ другія, залегавшія въ той же ямѣ, но въ болѣе высокихъ горизонтахъ и, очевидно, попавшія туда случайно, а также и то, что древній человѣкъ для указанной цѣли дѣйствительно подвергалъ свои костяныя орудія нѣкоторому дѣйствию огня, какъ это мы выше видѣли на костяныхъ орудіяхъ Городецкаго городища.

Въ слобѣ, непосредственно покрывавшемъ полъ землянки, найдены кости рыбъ, птицъ и мелкихъ грызуновъ; изъ первыхъ легко опредѣлялись кости щуки, осетра и леща; изъ костей животныхъ узваны кости медвѣдя, лося (особенно часты), кабана, лисицы, барсука, ежа, бобра, зайца и многихъ мелкихъ грызуновъ, постоянно сопровождающихъ подобнаго рода остатки и, кажется, попадавшихъ въ почву уже въ позднѣйшее время. Интересна находка двухъ фалангъ (бабок), имѣвшихъ въ длину $3\frac{1}{2}$ см., формою напоминающихъ фаланги коровы, но вдвое меньше ихъ.

Изъ вещей въ ямѣ землянки найдено: одинъ костяной гарпунъ, распавшійся на три части, два костяныхъ острія, два наконечника кремневыхъ стрѣлъ, три наконечника кремневыхъ копей, два полированныхъ долота, изъ которыхъ одно отличается миниатюрными размѣрами, — нѣсколько обломковъ долотовидныхъ оббитыхъ орудій, нѣсколько обломковъ пластинчатыхъ кремневыхъ ножей, болѣе десятка кремневыхъ скребковъ, два кремневыхъ бурава или проколки, большое количество разнообразно испещренныхъ обломковъ глиняной круглодонной посуды и не меньшее количество осколковъ кремня, свидѣтельствующихъ о выработкѣ изъ этого матеріала орудій внутри самой землянки.

Выходъ изъ нея не опредѣленъ, но вѣроятно всего онъ былъ направленъ къ югу. Къ сожалѣнію, съ этой стороны землянка была скрыта крестьянами ранѣе моего изслѣдованія.

Землянка № 2.

Вторая землянка была открыта почти на скатѣ въ восточномъ сегментѣ „Черепковъ“. Поводомъ къ ея открытію, одинаково какъ и первой, послужила старая яма, вырытая крестьянами для добыванія

известняка. Эта яма прошла какъ разъ черезъ входъ въ землянку, отличающійся особенною чернотой выполнявшей его почвы.

Предположивъ, что обнаженная черная земля входа указываетъ на присутствіе въ почвѣ землянки и составляетъ южный край ея, я ввелъ обнаженіе въ кругъ десяти аршинъ въ діаметрѣ и приказалъ рабочимъ снимать почву съ площади обозначеннаго круга, наблюдая появленіе темнаго пятна ямы землянки, которое и было открыто на глубинѣ 4 вершковъ, отъ поверхности почвы. Діаметръ пятна равнялся $6\frac{1}{2}$ аршинамъ. Въ сторонѣ отъ него, у выхода, лежали 2 крупныхъ известковыхъ камня и груды такихъ же мелкихъ камней, заросшихъ въ почвѣ.

При очисткѣ ямы, въ верхнихъ, выполнившихъ ее, слояхъ найдены обломки глиняной посуды, осколки кремня, одна кремневая стрѣла небольшихъ размѣровъ и мелкіе известковые камни.

Ниже, начиная приблизительно съ глубины 1 аршина, въ ямѣ стали попадаться мелкіе известковые камни въ большомъ количествѣ, затруднявшемъ работу. Между ними по прежнему встрѣчались бытовые остатки и кости животныхъ, рыбъ и въ особенности птицъ.

Съ этой же глубины обозначился выходъ изъ ямы, сдѣланный съ южной стороны. По обѣ стороны выхода, внутри землянки лежали груды мелкаго известковаго щебня, среди котораго иногда попадались прослой чистаго песка.

Стѣнки землянки спускались внизъ круто, мѣстами на нихъ сохранилась каменная облицовка, но большею частью она опала. Полъ былъ покрытъ слоемъ черной жирной почвы, заключавшей много костей птицъ (утокъ?) и рыбъ, обломковъ посуды и другихъ предметовъ. Срединна пола была слегка углублена для очага, оказавшагося сложеннымъ изъ трехъ плоскихъ, сравнительно небольшихъ известковыхъ плитъ, покрытыхъ золою и углемъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ очага лежалъ одинъ крупный известковый камень съ естественною, но довольно гладкою поверхностью, удобной для сидѣнья, а недалеко, въ другую сторону, оставленъ обломокъ песчанниковой плиты, служившей для полированія орудій. Общая глубина землянки равнялась двумъ аршинамъ. Формою своею, да и содержимымъ она очень напоминала очагъ, открытый и изслѣдованный въ срединѣ площади Черепковъ, въ 1891 году, служившій, какъ при настоящихъ открытіяхъ можно полагать, остаткомъ сверху срытой землянки. Изъ бытовыхъ предметовъ въ ямѣ землянки № 2 найдено: большое количество обломковъ глиняной посуды неолитическаго типа, не меньшее количество осколковъ кремня, одинъ обломокъ костяной подѣлки, медвѣжьей зубъ съ сверлиною, два цѣльныхъ и

три сломанныхъ наконечника кремневыхъ стрѣлъ, одинъ полированный кремневый топоръ съ отломаннымъ лезвиемъ, три кремневыхъ проколки и нѣсколько такихъ же скребковъ.

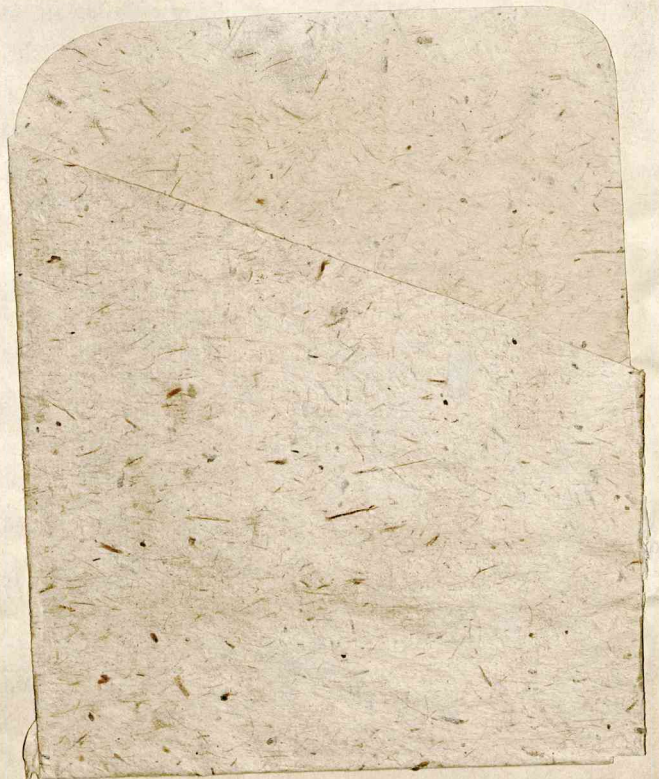
Помимо изслѣдованныхъ землянокъ, значительно расширившихъ наше знакомство съ жилищами окскаго человѣка конца неолитической эпохи, раскопки „Черепковъ“ дали обильный матеріалъ по первобытной керамикѣ, описаніе котораго должно появиться въ другой работѣ, касающейся специально гончарныхъ издѣлій всѣхъ пунктовъ, изслѣдованныхъ въ описанную экскурсію.

В. А. Городцевъ.

(Оттискъ изъ „Археол. Извѣст. и Замѣт.“ 1899 г. №№ 6 и 7).

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

У. Оп. 03к

